

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ НА Р.СУХОЙ ТОРЕЦ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сегодня все ощущают, что многократно возросшая за последние годы источниковая база явно перекрывает своей информационной перспективностью существующие методы извлечения информации, на которые опираются специалисты. Это автоматически предопределяет активный поиск в выявлении скрытых возможностей старых методов и выработку новых подходов для более глубокого и всестороннего изучения археологического материала. Сказанное в полной мере относится и к археологии хазарского времени.

Одним из наиболее популярных объектов изучения в данной области археологии являются курганы с подквадратными ровиками. В настоящее время исследователями отмечается разное количество таких памятников – от 85 и более. Так или иначе, но любой имеющейся выборки уже достаточно, чтобы анализировать материал комплексно, и, следовательно, с повышенной информационной извлеченностью из него. Однако этот материал все еще остается не востребованным исследователями в полной мере.

Дело тут, прежде всего, в трудоемкости комплексной обработки существующего пласта данных памятников. Но такая проблема – это не столь уж непреодолимая преграда, как, например, отсутствие у многих исследователей желания выходить на междисциплинарный уровень анализа, что, конечно же, предусматривает гораздо большую “потерю” времени и физических усилий. Вместо этого активно идет процесс взаимокритики, который вряд ли в ближайшее время иссякнет, так как в работах многих авторов нередко игнорируется наиважнейший признак научного исследования – проверяемость материала. Это, например, подача “глухих” карт, частое отсутствие в принципиальных местах ссылок на источники и литературу, отсутствие корреляционных и сводных таблиц с параметрами изучаемых объектов и многое другое. В итоге создается впечатление, сродни бега на месте. Нельзя, конечно же, считать, будто нет движения вперед, свидетельством чему является, например, обобщающее исследование А.А.Иванова (Иванов А.А., 2000). Однако эффективность его явно не пропорциональна потенциальным возможностям материала и техническим условиям сегодняшнего дня.

Предметом нашего исследования является изучение одного из памятников с подквадратными рвами с целью выявления его “скрытой” информации. Такой “резерв”, в той или иной степени, есть у каждого археологического объекта, который можно извлечь качественно по новому, если использовать системный под-

ход. Только с помощью последнего оказывается возможным ввести все или почти все составляющие памятника в единое структурно и содержательно взаимосвязанное информационное поле.

По А.Д.Журавлевой, системный подход – “это множество элементов, которые рассматриваются далее как неделимые единицы анализа [в нашем случае, курганного комплекса – А.Е., Ю.К.]. Эти элементы находятся в определенных связях и отношениях между собой” (Журавлева А.Д., 1991, с.165). Наша задача состоит как раз в обнаружении этих связей и отношений, где своеобразным инструментом намеченной процедуры будет выступать интеграция археологии с астрономией и геодезией. Такой подход, кроме других достоинств, способствует “примирению” противоречий внутренней полисемантической отдельных составляющих комплекса (Коренько В.А., 2000, с.117).

Общие сведения о памятнике и его планиграфия

Могильник Новониколаевка-II расположен в 2 км к западу (далее З, В, С и Ю) от с.Новониколаевка Славянского р-на Донецкой обл. и примерно на таком же расстоянии к северу от р.Сухой Торец, впадающей в р.Казенный Торец, а тот, в свою очередь, – в Северский Донец, близ перекрестка дорог на села: Новониколаевка, Ивановка, Шнурки, Черкасское (рис.1). От могильника Новониколаевка-I данный памятник находится в 1 км к В.

Курганная группа насчитывала 10 насыпей, вытянутых по водоразделу с З на В на длину 850 м (рис.2). Восемь из них располагались на одном поле, группируясь на его середине на небольшом расстоянии друг от друга, а 2 крайних западных находились на соседнем, искусственно отделенном посадкой, в 350 м от остальных.

Насыпи всех курганов подвергались многократным распашкам, отчего имеют уплощенные вершины и расплывчатые поля. Современные их высоты не превышают 1 м. Исключение составляет курган высотой 2,6 м, диаметром 60 м, с триангуляционным знаком на вершине, располагавшийся четвертым от восточного конца группы.

Раскопки проводились на 3 курганах: крайнем западном (исследуемом в статье – № 1) и 2 ближайших к большому, расположенных к З и В от него. Из всех 3 раскопанных курганов только в одном находился комплекс хазарского времени*. Два других были соору-

* Благодарим автора раскопок Н.П.Зарайскую за любезное разрешение опубликовать данный памятник.

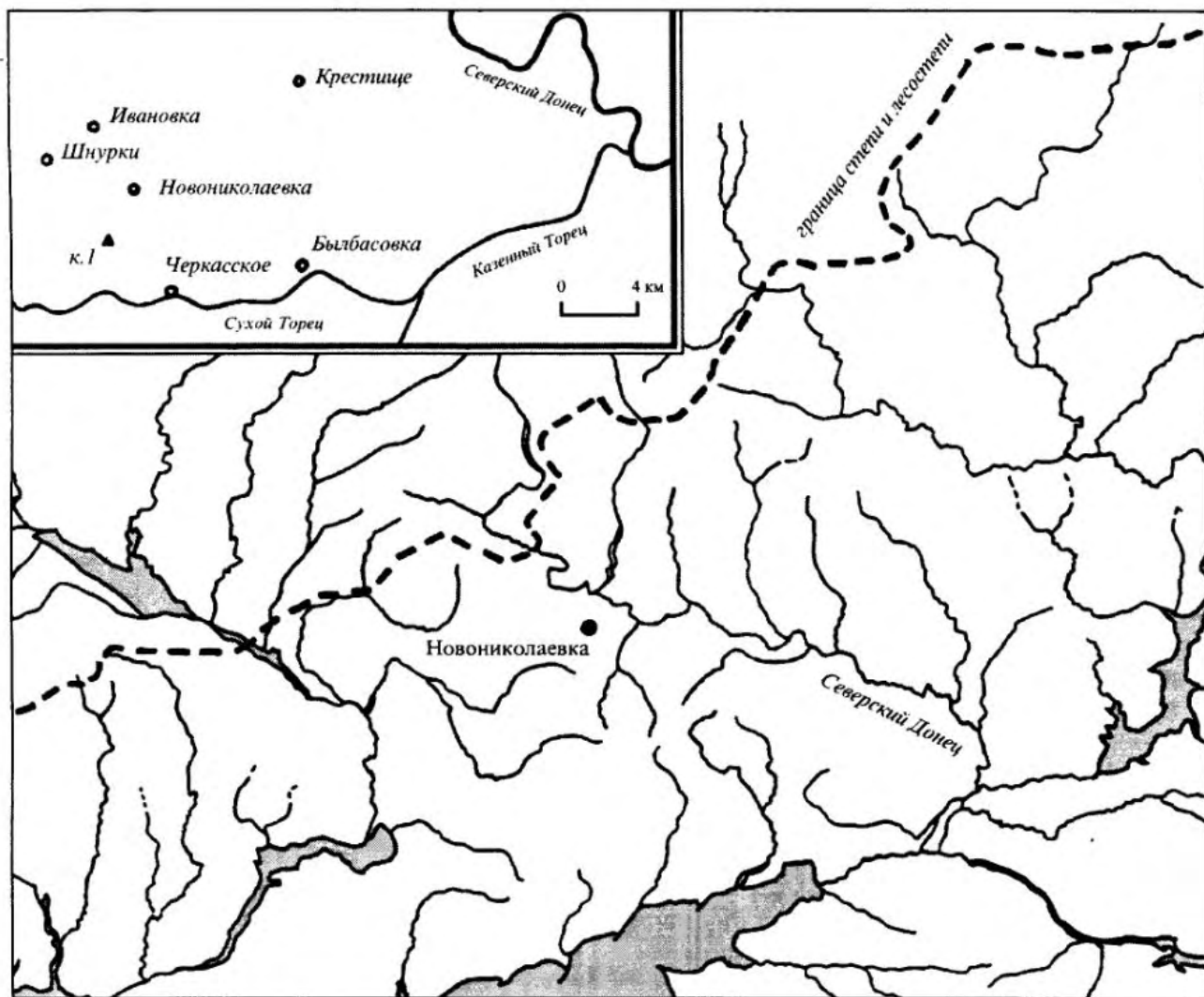

Рис. 1. Карта-схема месторасположения курганной группы Новониколаевка-II.

Fig. 1. Scheme map of the Novonikolayevka-II barrow cemetery location.

Abb. 1. Schemakarte der Anordnung der Kurgangruppe Novonikolajevka-II.

Dess. 1. Carte schéma de localisation du groupe de tumulus Novonikolaevka-II

жены в катакомбное время. В кургане 2 были обнаружены 4 погребения катакомбной культуры, а в кургане 3 – по одному захоронению катакомбной и срубной культур и половецкое святилище с 2 каменными изваяниями.

Опережая последовательность исследовательского процесса, отметим, что устройство памятника крайним с запада в курганной группе, а не с востока, следует считать вполне продуманным действием древнего коллектива, так как только в этом случае достигался основной принцип, отражающий специфику и задачи сооружения комплекса. Такое решение со стороны устроителей данной обрядности должно было являться необходимым условием “срабатывания” ритуала, в результате чего несколько “изменился” бы облик мира (Байбурин А.К., 1991, с.41). Но изменялся он в заданном ритуальном контексте направлении. Следовательно, процедура выбора места сооружения объекта в обозримом пространстве, в

целом, и в курганной группе, в частности, была направлена на определение наиболее сакральной точки пространства. Достраивание курганной группы Новониколаевка-II не могло не привести в сознании древних к переосмыслению близлежащего пространства, где группа являлась лишь элементом последнего и при этом не ставшего принципиально иным, а лишь модернизовавшись.

Интерес к данному комплексу может быть продиктован еще и тем, что он является самым крайним северо-западным из данного круга курганов, концентрация которых, за некоторым исключением, практически полностью локализуется в районе Доно-Маньчского междуречья. Более того, этот памятник явно выглядит резко оторванным от всего ареала их распространения, он весьма аттрактивен по своим структурным особенностям и функционально гораздо более непонятен, чем подавляющее большинство из его круга.

Результаты раскопок

Насыпь, в плане округлая, с нечеткими границами и растянутыми полами, имела высоту 0,87 м от современной поверхности (0,9 м от древнего горизонта – далее ДГ) и диаметр около 24 м.

Погребенная почва имела толщину 0,55-0,65 м. Центр фиксируемого участка погребенной почвы прорезает яма подтреугольной в плане формы размерами 1,2х0,85 м, определенная автором раскопок как большая нора. По мере углубления, она резко сокращается в размерах. Очевидно, яма, выкопанная участниками обряда для определенных целей, позднее была нарушена землеройными животными, норы которых, кстати, были зафиксированы и во многих других частях комплекса.

Под полами кургана находился ров, выявленный на уровне материка с глубины 1,4 м. В плане он четырехугольной, почти квадратной, формы, незначительно вытянут с ССВ на ЮЮЗ с небольшим отклонением от меридионального направления (рис.3). Стороны четырехугольника слегка выгнуты наружу, восточная имеет небольшой изгиб вовнутрь. Размеры рва 19х17,25 м. По углам в нем оставлены разрывы-перемычки шириной 0,55-0,65 м. Насыпь кургана относительно рва слегка смещена к З и Ю. В разрезах (по профилям бровки) ров прослеживался с глубины 1,2 м. У него – в большей или меньшей степени наклонные корытообразные стенки и плоское дно. Ширина рва сверху 0,7-0,95 м, по дну – 0,45 м. Дно неровное, более глубокое в западной части (1,93 м) и более мелкое в восточной (1,7 м), у перемычек имело тенденцию повышаться. Наименьшая глубина его отмечена в ЮВ углу – 1,56 м. Ров заполнял чернозем, в котором на С, З и В на разных глубинах (0,97, 1,33, 1,5, 1,57 м) встречались кости лошади, представленные, в основном, фрагментами челюстей, а в западной части и обломками костей конечностей.

В восточной половине кургана, на расстоянии 3 м к В от условного центра, сразу под пахотным слоем обнаружена деревянная конструкция в виде бревен-

чатого настила подтреугольной в плане формы, углами направленная на ССЗ, Ю и В (рис.3). Длина деревянной площадки с З на В – 4,5 м, с С на Ю – 2,4 м. Настил лежал по склону насыпи с глубины 0,28 м, понижаясь к Ю до отметки 0,42 м и к В до 0,74 м. Он сложен из довольно бессистемно наваленных бревен, размещенных с общей тенденцией в направлении З-В. По краям настила дерево, преимущественно, лежало вдоль. Длина отдельных бревен достигала 1,5 м, ширина, в среднем, составляла 10-15 см. Деревянная конструкция как бы прогибалась в своей середине, хотя яма под ней не фиксировалась. Нижние бревна в центральной части настила находились на глубине 0,7 м, на 0,2 м выше уровня ДГ. Половина древесины обуглена. Некоторые бревна обгорели полностью, другие – лишь частично, по поверхности. Обугленные бревна соседствовали попеременно с деревом, неимевшим следов огня.

В 1 м к В от деревянной конструкции, на расстоянии 8,25 м к В от центра кургана, на глубине 0,72 м располагался ряд конских черепов, уложенных по линии С-Ю (рис.3, 4). Он насчитывал 13 лошадиных голов, размещенных тремя группами на расстоянии 0,25 м друг от друга. Крайние группы (северная и южная) включали по 5 плотно сдвинутых черепов, среднюю образовывали 3 черепа (рис.4). Все конские головы обращены храпом на З в сторону настила, восточный угол которого направлен к центру их ряда. Северная и южная группы представлены верхними частями черепов без нижних челюстей. В центре головы положены целиком, хотя 2 из них, северная и средняя, расчленены (нижние челюсти лежали рядом), и только южная сохранила анатомический порядок. За конскими черепами, на расстоянии 0,25-0,65 м к В, проходил ров, имевший здесь небольшой изгиб в сторону центра ряда.

В западной половине насыпи, на расстоянии 1,6 м к ЮЗЗ от репера (250°), на глубинах 0,65 м и 0,77 м один под другим лежали 2 небольших бревнышка длиной 0,3 и 0,45 м. От крайней западной точки деревянного настила их отделяли 4,5 м.

Погребений и каких-либо находок материальной культуры в кургане не обнаружено. Таким образом, особенности исследованного памятника позволяют отнести его к культовому сооружению.

Характеристика символических значений структурных элементов памятника

Уже при первом сравнении исследуемого комплекса с ему подобными выявляется его неординарность, характеризующаяся целым рядом специфических черт. Во-первых, в комплексе отсутствует погребение; во-вторых, нет всевозможных дополнительных пристроек у ровика; в-третьих, здесь зафиксировано несколько оригинальных культовых объектов, в совокупности составляющих уникальный памятник.

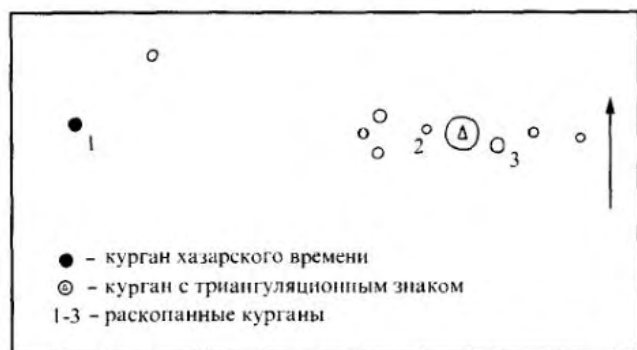

Рис. 2. План курганной группы Новониколаевка-II.

Fig.2. Novonikolayevka-II barrow group layout.

Abb. 2. Plan der Kurgangruppe Novonikolajevka-II.

Dess. 2. Plan du groupe de tumulus de Novonikolajevka-II

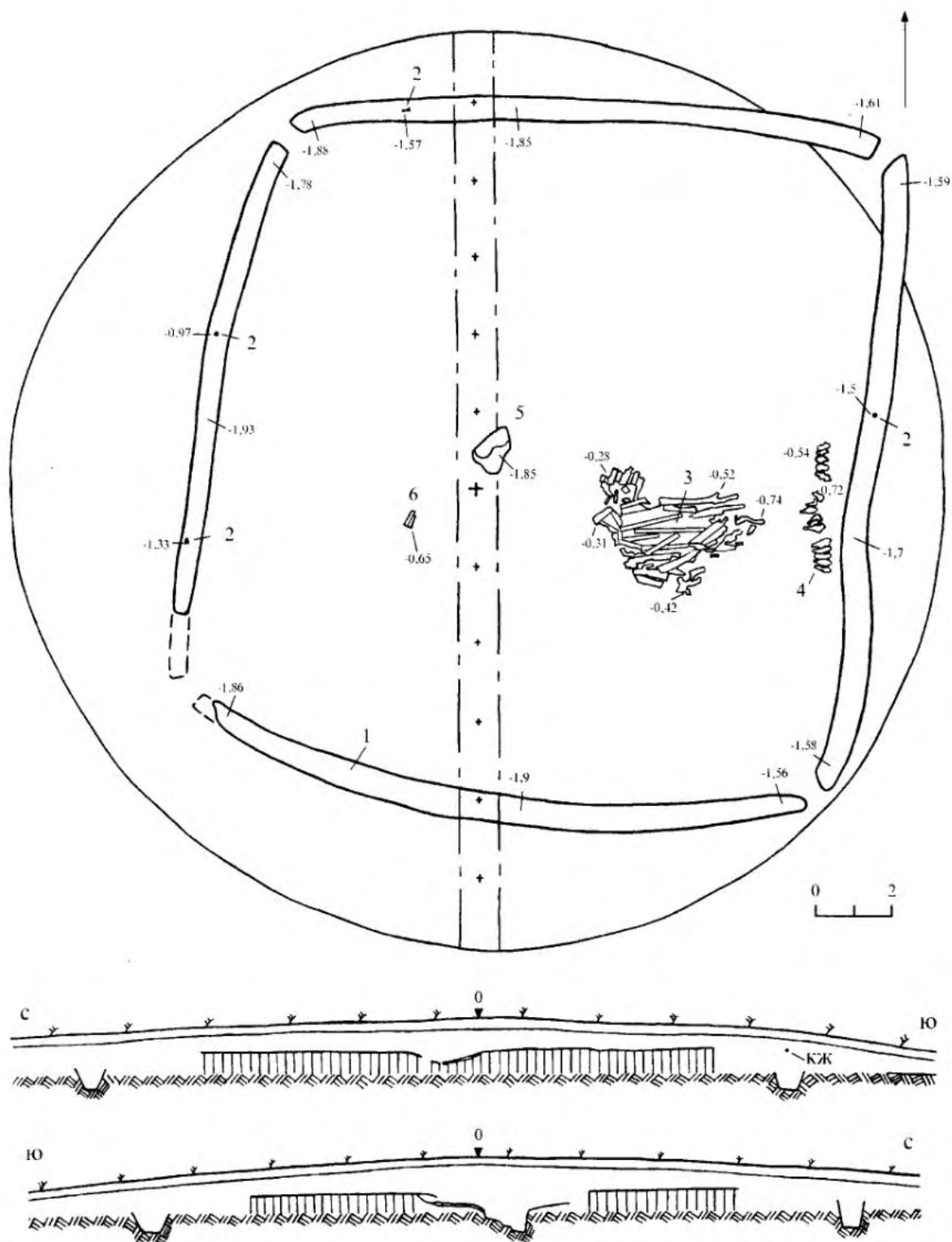

Рис. 3. Общий план кургана 1. 1 – ров; 2 – кости животных; 3 – деревянная конструкция; 4 – выкладка конских черепов; 5 – яма; 6 – два бревнышка, одно над другим.

Fig. 3. Barrow 1. 1 – ditch; 2 – animal bones; 3 – wood construction; 4 – horse skulls layout; 5 – pit; 6 – two small logs, one above the other.

Abb. 3. Gesamtplan des Kurgans 1. 1 – Graben; 2 – Tierknochen; 3 – Holzkonstruktion; 4 – Auslegung aus Pferdeschädeln; 5 – Grube; 6 – zwei übereinander liegende Holzblöcke.

Dess. 3. Plan général du tumulus 1. 1 – fosse de rempart; 2 – os d'animaux; 3 – construction en bois; 4 – crânes de chevaux étalés; 5 – fosse; 6 – deux petites bûches superposées

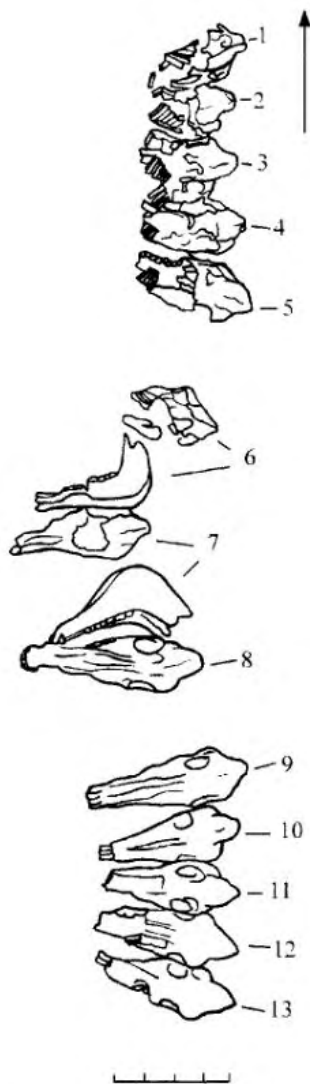

Рис. 4. Выкладка из конских черепов. 1-5 – перевернутые черепа; 6 – перевернутый череп с отделенной нижней челюстью, лежащей к югу; 7 – череп коня с отделенной нижней челюстью, лежащей к югу; 8 – целый череп; 9-13 – черепа без нижних челюстей.

Fig. 4. Horse skulls laying-out. 1-5 – turned-over skulls without lower jaws; 6 – turned-over skull with a detached jaw placed southwards; 7 – turned-over skull with a detached jaw placed southwards; 8 – whole skull; 9-13 – skulls without lower jaws.

Abb. 4. Auslegung sus Pferdeschädeln. 1-5 – umgewendete schädel ohne unterkiefer; 6 – umgewendeter schädel mit dem nach dem Süden getrennten Unterkiefer; 7 – Schädel mit dem nach dem Süden getrennten Unterkiefer; 8 – der vollständige Schädel; 9-13 – Schädel ohne Unterkiefer.

Dess. 4. Crânes de chevaux étalés. 1-5 – crânes renversés; 6 – crâne renversé, la mâchoire inférieure détachée tournée vers le sud; 7 – crâne de cheval, la mâchoire inférieure détachée tournée vers le sud; 8 – le crane entier; 9-13 – les crânes sans mâchoires inférieures

альной литературе представляют из себя не что иное, как парадоксы интерпретаций, а несколько иначе. А именно: уяснив, во-первых, какие связи обнаруживаются между разными частями комплекса; во-вторых, на какие соображения наталкивают их построения. В этой связи весьма уместно будет процитировать Л.С.Клейна: “Есть у археологии... способ обратить уникальное и не имеющее аналогий в более податливый объект типологического исследования: нужно лишь раздробить мысленно (и практически – А.Е., Ю.К.) этот объект на такое количество деталей, что каждая из них, лишась усложняющих элементов, отошедших к соседним деталям, оказывается очень простой и перестает сохранять уникальность. Так, сложный орнамент расчленился на свои элементарные составляющие и на весьма общеупотребительные узоры. Уникальным остается сочетание этих элементов и мотивов. Но оно не затрагивает археологию. Оно существует до археологического анализа...” (Клейн Л.С., 1992, с.94).

Итак, в интересующем нас комплексе мы имеем 4 основных компонента, составляющих своеобразный “большой” код: сам курган как таковой, ровик, деревянную конструкцию и выкладку из конских черепов. Прежде, чем мы попытаемся разобраться в их внутреннем структурном соотношении, необходимо выяснить их так называемую простейшую семантику*.

Путь к пониманию содержательной части памятника не может прокладываться только лишь на основе его источниковедческого развертывания на базе астрономо-геодезических характеристик, что было продекларировано нами в вводной части статьи. Необходимо, прежде всего, рассмотреть материал археологически и определить относительно потенциально-возможной функциональной роли структурных компонентов объекта. Такой, в целом, традиционный анализ решено проделать не традиционным методом, т.е. не только через поиск параллелей и аналогий отдельным его структурным элементам с их смысловым объяснением, или связывая его с теми или иными историко-культурными феноменами, которые в специ-

* Здесь нам следует оговориться, что наше исследовательское погружение в семантическое поле не всегда может быть полностью оправдано, часто просто невозможно в принципе, иногда преждевременно и лишь в отдельных случаях – оправдано и логично, когда для этого уже созрели необходимые условия. Несмотря на это, именно желание постижения семантики явлений древних культур стимулирует и руководит исследовательским процессом ученых. Важно и то, что исследователь в результате сложных методических процедур, в конечном счете, стремится восстановить глубинную семантику изучаемого, которой на бессознательном уровне владел носитель древней традиции. При этом на сознательном – последнем была доступна лишь поверхностная семантика (Топорков А.Л., 1989, с.92).

Суть выяснения последней при любом подобном исследовании заключается в том, что предмет или какой-то материализованный признак обряда в древности и сейчас подсознательно, по точному определению А.Л.Топоркова, «наделяется символическим значением на основе его отдельных характеристик по форме (например, круглый, крестообразный), цвету, материалу и т.д. Каждая из этих характеристик, в свою очередь, может иметь символический смысл (ср. символику круга, креста, отдельных цветов, металла, дерева и т.д.). Кроме того, она может коррелировать с еще более общими классификаторами, в частности с семиотическими оппозициями» (Топорков А.Л., 1989, с.94). Такой, но краткий анализ позволит, на наш взгляд, хотя бы в общих чертах прояснить содержание относительно роли и места основных компонентов комплекса в космологической образной картине мировидения древних, и, как следствие, поможет в некоторой степени выяснить характер и глубину взаимосвязи упомянутых структурных элементов памятника в соответствующем археологическом контексте. Важно определить, конечно же, и саму возможность их взаимосвязи.

Курган. К сожалению, курганная группа Новоиколаевка-II, в составе которой находился изучаемый памятник, как мы уже упоминали в начале нашей статьи, раскопана лишь частично (3 кургана из 10). Следовательно, у нас нет возможности дать какое-либо законченное обоснование размещения интересующего нас комплекса в составе группы. Усложняет задачу и небольшое количество исследований в археологии на тему о месте и роли кургана в группе. Однако некоторые наблюдения, в определенной степени раскрывающие закономерность «интеграции» комплекса в курганную группу, мы выскажем.

Как известно, истоки курганного обряда, заменившего траншеи с могилами, уходят в эпоху начала распада первобытнообщинного равенства с присущими ему представлениями о загробном мире. Курган понимался древними таким образом, что «встраивание» своего комплекса в курганную группу более раннего времени не только не противоречило их модели мироздания, но даже наоборот, по-новому преобразовывало «семантическое поле», не нарушая при этом его, а усиливая и закрепляя установившийся некогда микропорядок некрополя. Такая процедура слияния с миром предков и космосом была ничем иным, как ритуалом, который, в свою очередь, требовал определения наиболее сакральной точки пространства. Иначе, как объяснить выбор носителями отдельных археологических культур вполне определенных мест для тех или иных обрядовых действий в курганных группах и в секторах курганов? При этом все «отклонения» от этих норм не должны пониматься нами именно как отклонения от норм, а лишь находить «свое» объяснение и «свою» закономерность. Стремление же идеологически закрепить за собой территорию «неизбежно приводило к признанию всех курганов данной ме-

стности, хоть и древними, но «своими», восходящими к легендарным предкам, и окружалось ореолом различных мифологических преданий» (Чернопицкий М.П., 1980, с.184).

Напомним, что курган был размещен к западу от группы на расстоянии 350 м от основной ее части, состоящей из 8 насыпей, но не «выпал» из нее, как, например, единственный, относительно соседствующий с ним, а как бы продолжил ее линию, ориентированную по направлению З-В. Любопытно, что такая его западная позиция является одной из характерных особенностей комплекса, обеспечивая ему тем самым достаточно высокую для нас степень «семиотической напряженности» в планиграфическом, если так можно выразиться, контексте данного круга памятников. Дело в том, что все другие известные нам «родственные по типу» курганы, в том числе не имеющие погребения, размещены в восточных частях своих групп, нередко замыкая их, и лишь несколько комплексов располагались в центральной части. Однако для последних характерно то, что они находились как бы открытыми восходу солнца, т.е. их, как правило, не заслоняли с этого направления другие курганы группы.

Исходя из вышеизложенного, сам собой напрашивается банальный, но в то же время важный вывод о функционировании курганов (а для интересующего нас комплекса, в особенности), кроме их основного назначения, в качестве специфических ритуальных объектов, игравших ключевую роль в сфере взаимодействия между живыми и мертвыми (Ханкс Б., Корякова Л., 1999, с.145), с одной стороны, и социумом и космосом, с другой.

Можно уверенно утверждать и то, что многие непогребальные функции курганов нам еще не известны, настолько композиционно и качественно разнообразны их структурные элементы. Отсюда следует логический вывод о сакральной полифункциональности кургана как универсального культового сооружения кочевников, которому, наряду с погребальными, свойственны и другие функции: храмовые, архитектурно-эстетические, географического ориентира и др. (Чернопицкий М.П., 1980, с.182). Добавим к этому еще и тот безусловный факт, что культовый курган, как особый архетип мирового дерева, выполняет медиативную функцию между священным и мировым, являясь своеобразной границей между ними (Усманова Э., 1999, с.250).

Ров. Вторым структурным компонентом исследуемого комплекса является ров, который в нашем случае (как это будет продемонстрировано ниже) выступает ключевым структуроформирующим признаком всего памятника. Устроители подобной обрядности целиком осознанно использовали в определенных целях ту или иную символическую модификацию из своего космолого-мифологического арсенала в качестве своеобразного образформирующего признака. Как правило, вокруг него строились все остальные элементы композиции. Такой элемент комплекса выпол-

нялся наиболее тщательно, с максимальной степенью "достоверности".

Вполне логично предположить, что сооруженный в новониколаевском кургане ровик выполнял роль своеобразного связующего звена, несмотря на его естественную периферийность в памятнике. Однако данная его периферийность, без всякого сомнения, представляла собой главную часть комплекса, так как именно ров формировал внутреннее пространство объекта. "Свои" функции выполняли его основные структурные элементы – "разрывы" (перемычки-проходы), прокладывая "через себя" визуальный путь в пространство и шире – в космос (рис.5). Комплекс функций выполняли и другие его составляющие: заполнение рва, общая форма, форма его сегментов, глубина, ширина и т.д. Таким образом, ров далеко не прост, хотя внешне выглядит достаточно скромно. Его сегменты не одинаковы по форме, длине и даже ширине, а, кроме того, они не имеют строгой ориентации по сторонам света. Зато его углы (перемычки) достаточно симметричны и сориентированы на промежуточные стороны света, т.е. на СЗ, СВ, ЮВ и ЮЗ, что, как показали наши (см. ниже) астрономические расчеты, вполне закономерно.

Перемычки в ровике, без всякого сомнения, были оставлены далеко не только потому, что нужно было проходить вовнутрь или выносить землю, как считают некоторые исследователи. Зачем тогда нужно было оставлять именно 4 разрыва, причем в нашем случае исключительно симметричных и идентичных по форме? Нет, явно напрашивается вывод, что их назначение было куда более "ответственным". Разное же количество разрывов, устроенных в ровиках курганов всех культур и территорий, не случайно и не профанно, а имеет под собой тот или иной смысл, как, собственно говоря, и любые другие элементы ритуалов.

Если учесть, что к В от центра образованного ровиком пространства "смещены" два других ведущих компонента комплекса (деревянный настил и выкладка из конских черепов), то логично сделать вывод о том, что периферийная часть здесь достаточно сложна планировочно (хотя и не в такой степени как, например, в знаменитом раннескифском кургане Аржан) и реализует, как совершенно верно отметил М.Л.Подольский, очевидно, какую-то очень важную для строителей схему. Получается, что это уже не периферия, а главная часть комплекса, центр же лишь маркирует центральную точку планировки (Подольский М.Л., 2000, с.193). Нет сомнения, что перед нами не что иное, как своеобразная ритуальная площадка.

Семантическое поле исследования данного комплекса может быть несравненно шире, если учитывать сочетание упомянутого рва, образующего своеобразный квадрат, символизирующий землю с четырьмя сторонами света, и круг, образованный насыпью кургана. Такое сочетание (мандала) мы находим у многих культур, и поэтому убежденность некоторых исследователей в том, что это якобы примечательная

особенность индо-иранской традиции (Толстов С.П., 1962, с.81-85, 201-204; Пугаченкова Г.А., 1973, с.121-130; 1976, с.155-157; Давудов О.М., 1980, с.281), несколько преувеличена. Такая планировка характерна для культовой архитектуры индо-иранского мира (храмы, монастыри, жилые дома, инженерные и погребальные сооружения) (Давудов О.М., 1980, с.281). О мифологических представлениях иранских народов, по которым круг в сочетании с квадратом мыслились последними как прообраз мира, отмечают в своих работах Д.С.Раевский и А.Л.Лелеков (Раевский Д.С., 1977, с.105-107; Лелеков Л.А., 1976, с.105,106). К такому убеждению подводит и сообщение Геродота о том, что якобы "скифы представляли свою землю в виде квадрата со святилищем в центре" (цит. по: Давудов О.М., 1980, с.281).

Ссылки на индо-иранский круг можно было бы без труда продолжить, однако, в этом нет никакой необходимости, хотя бы потому, что такие примеры легко обнаруживаются и в других культурных пластах, например, в Китае или в японской иконографической традиции картины вселенной (Виноградова Н.А., 1973).

Идея мандалы, в целом, логично трактуется исследователями как характерный признак святилищ. Вл.А.Семенов сформулировал эту мысль так: "В различных культурах степной Евразии в роли святилищ могут выступать отдельные погребальные сооружения (курганы, мавзолеи), в конструкциях которых заложены идея мандалы" (Семенов Вл.А., 2000, с.183). Однако следует заметить, что такая особенность объекта может быть, на наш взгляд, не более чем признак, поскольку для полновесного образа святилища необходим еще целый ряд характерных черт. Более того, в одном комплексе может присутствовать такой состав элементов, который в сочетании с заложенной идеей мандалы может представлять из себя и другого рода объект, а не только святилище.

Семантика подквадратных ровиков, также как и их точная этническая принадлежность, как нам представляется, находятся еще в стадии осмысления, поскольку, во-первых, символика подобных ровиков (т.е. квадрат) является универсальным надкультурным явлением и одновременно исключительно семантически емкой и, следовательно, весьма сложно разрешима, а, во-вторых, до сих пор, несмотря на ряд работ последних лет, нет должного сравнительного анализа архитектурных и других составляющих их элементов. А между тем, только через такого рода анализ можно будет в какой-то мере наметить общие закономерности и локальные особенности.

Что касается семантики рвов вообще, то этот вопрос, кстати, неоднократно поднимавшийся в специальной литературе, на наш взгляд, в целом, достаточно прозрачен. Ясно, что они, кроме ряда других, так сказать, факультативных (для изучающих культуру древних) функций, прежде всего, выполняли роль границы и одновременно защиты культового объекта, а

точнее кургана, как воплощения мировой горы, от внешнего мира и шире – организованного пространства (космоса) и одновременно периферии, переходящей в хаос (Семенов Вл.А., 2000, с.184).

Деревянная конструкция. Это третий структурный элемент комплекса, представляющий собой своеобразную площадку из бревен. Край настила был как бы оконтурен продольно уложенными бревнами, что, возможно, объясняется наличием строго огороженной на момент ритуала своеобразной оградки. Глубина основания нижних бревен настила (на 0,2 м выше уровня ДГ), а также его наклонный характер, понижающийся к ЮВ, свидетельствуют о том, что он был сооружен после воздвижения основания насыпи кургана, являясь, по-видимому, одним из завершающих этапов ритуальной церемонии, а не перенесен на дневную поверхность ритуальной площадки в начальной стадии ее функционирования, как считает А.В.Комар (Комар А.В., 2001, с.13).

В то же время, данная конструкция была действительно, как это отмечает А.В.Комар (Комар А.В., 2001, с.13), перенесена на курган со стороны после ритуального сожжения, поскольку на это указывает тот факт, что обугленные бревна находились вперемешку с деревом, не имевшим следов огня. Однако остается неясным, зачем нужно было огораживать уже сожженную и перемешанную конструкцию после того, как вся обрядовая процедура была завершена, тем более, что удерживать ее в таком положении бревна не могли бы. Значит были какие-то дополнительные крепежные элементы, или же за фазой переноса бревенчатой конструкции последовала ее немедленная засыпка. И с какой целью, вообще, была перенесена эта конструкция на курган? Очевидно, ритуальное сожжение, возможно, юрты или ее модели, или какой-то другой конструкции должно было завершиться таким же ритуальным актом “захоронения”, о чем свидетельствует воздвижение над валом бревен второй (верхней) части насыпи.

Относительно близкую аналогию деревянной конструкции из Новониколаевки находим в одном из комплексов хазарского времени в урочище Кривая Лука в Нижнем Поволжье. Там на мощную (5-20 см) растительного происхождения прослойку был положен деревянный настил, прямоугольной в плане формы, размерами 4,8x5,7 м, вытянутый по линии С-Ю. Примечательно, что, как и наша, конструкция из Кривой Луки была также оконтурена, но только плахами, образовавшими, таким образом, своеобразную площадку, размещенную в восточном секторе кургана. Только в новониколаевском кургане деревянная “площадка” была вытянута в широтном направлении, в отличие от меридионального в Кривой Луке (Федоров-Давыдов Г.А., 1984, с.89).

Что касается самого огненного ритуала, то в данном церемониальном цикле он занимал далеко не последнее место, однако, роль его пока не совсем ясна.

Выкладка из конских черепов. Это, бесспорно, наиболее аттрактивная структурная и одновременно

сложно закодированная часть комплекса. Характер расположения, укладки, ориентация всех черепов без исключения храпом на З, а ряда, в целом, – строго по линии С-Ю, их количество, деление на группы и др. нельзя считать случайным. Как бы мы не интерпретировали роль данной выкладки в комплексе, одно ясно: у устроителей такой обрядности имел то или иное место культ черепа.

Культ черепа вообще – это одно из универсальных и наиболее древних проявлений мировосприятия, входящих в число так называемых ранних форм религиозности и характерных для разных исторических периодов; это особое отношение к голове и нижней челюсти, в частности (Смирнов Ю.А., 1987). Традиционное объяснение в специальной литературе культа черепа, как символа плодородия и жизненной силы, вполне вписывается в систему общечеловеческих представлений о мироздании, и это отношение неувидительно, поскольку оно определялось ее исключительным положением в системе анатомии человека и космологии. Следовательно, можно считать, что функция черепа в разных ритуалах, формировавшихся каждый в своей природной и культурной среде, может приобретать разное значение.

Головы животных в культовой практике древних и средневековых культур имели, хоть и заметно меньший статус, нежели человеческие, но все же достаточно значимый. Для многих же обрядов можно предположить, что череп животных выступал лишь эквивалентом человеческого как, например, отделенная голова коня. Очевидно, будет логично считать, что в одних случаях археологически фиксируемые черепа коней – это может быть результат вторичного их использования (т.е. после культовой трапезы), а в других – специально убитые для церемониала животные, головы которых отсекались. Если первые, очевидно, выступали чаще и в большей степени как обереги, то вторым отводилась, на наш взгляд, куда более ответственная роль, связанная со стремлением установить нарушенный в результате чего-то миропорядок. А ргіогі можно считать выкладку в нашем комплексе связанной со вторым примером.

Среди различных форм проявления культа черепа нам особо важно рассмотреть те случаи, когда мы имеем дело со своеобразными комбинациями черепов – кодами. Такие коды-черепа логично дифференцировать как минимум на 4 части, состоящих из голов: людей, животных и людей в сочетании, различных животных и сугубо конских черепов. Нас, естественно, интересуют последние.

В связи с этим отметим, что роль коня в жизни древних народов невозможно переоценить. Для скотоводов этот тезис приобретает несравненно большее значение, поскольку конь – это транспортное животное и средство войны, пища и кожа, перевозка умершего в иной мир и многое другое. Поэтому неудивительно, что именно культ коня теснейшим образом оказался вплетенным во всю сакральную сферу ко-

чевников, являясь во многих обрядовых действиях не только “активным инструментом” ритуальных преобразований, но зачастую центральной фигурой таких церемоний. Такая тематика в этнографической и археологической литературе весьма обширна и всем хорошо известна, и нет смысла на этом специально останавливаться. Наша тема исследования гораздо уже.

Одним из центральных проявлений культа коня, несомненно, являлось “обслуживание” культовых комплексов. В зависимости от назначения таких объектов и их структурной организации типологически оформлялась та или иная “рабочая форма” сакральности коня. В нашем памятнике цели, задачи, метод, природная диктовка и историко-культурный контекст потребовали от древних соответствующего космологического “контакта” с мироустройством, что, в частности, выразилось в наблюдаемой специфичности выкладки из конских черепов.

Беглого взгляда на выкладку достаточно, чтобы понять, – перед нами не что иное, как код, который при его правильном включении должен развернуться в текст. Объективность такого включения осложнена тем, что сложноорганизованные тексты, каким, без сомнения, является и наш комплекс, в целом, и закодированная выкладка черепов, в частности, в области семантики имеют практически неограниченную комбинационную возможность знаков. Найти нужную комбинацию – значит правильно построить текстовую цепочку. Степень же достоверности такой попытки будет зависеть от учета всех без исключения компонентов системы, т.е. всех элементов нашего комплекса, и от строгости, и точности выполнения методических приемов. Таковую попытку мы и предпримем ниже. Остается пока лишь добавить, что исключительная редкость выкладок конских черепов в памятниках с подквадратными ровиками – это не просто один из вариантов. Очевидно, они указывают на их особый знаковый статус.

Близкую и одновременно единственную (известную нам) этнокультурную аналогию данному явлению находим в комплексе Романовский-II, к.3, который находится в междуречье Дона и Сала. В отличие от новониколаевского кургана (13 черепов), здесь было обнаружено 36 конских черепов без нижних челюстей, уложенных тремя группами в ряд вплотную друг к другу вдоль СЗ сегмента рва. Черепа там были уложены на поверхности насыпи эпохи бронзы и затем перекрыты 2 насыпью, закрывшей комплекс в целом, включая подквадратный ров. Рядом с черепами коней была найдена кость овцы. В восточной поле кургана, на расстоянии 7,9 м к В от центра, на глубине 0,8 м от репера найден еще один череп коня.

Из приведенной краткой информации видно, что комплексы несколько отличаются между собой по пространственной организации, количеству черепов и другим признакам, однако, схожи в главном, а именно: для реализации поставленных в ритуале задач использовался, по большому счету, один

и тот же прием, где одним из итоговых актов, по-видимому, являлась выкладка из конских черепов. Очевидно, следует признать, что схожесть двух комплексов в таких деталях выкладок, как построение черепов в ряд, разделенных на 3 группы без нижних челюстей вдоль одного из сегментов рва, – нельзя считать случайным. Закономерны и все имеющиеся у памятников отличия, которые, очевидно, следует объяснять разной пространственной организацией структуроформирующего признака – рва. По-видимому, комплексы реализовывали какую-то схожую задачу через обращение к космосу, но при этом “контакте”, очевидно, были зафиксированы разные значения изменения звездного неба относительно земли.

Во многих других курганах данного круга мы также наблюдаем проявление “магической силы” конского черепа, но подавляющее их большинство зафиксировано в ровиках, где они, очевидно, маркируют соответствующие “рабочие” точки, в своей совокупности реализующие программу ритуала.

Пространственная организация комплекса

Поскольку нашей основной посылкой в исследовании памятника является понимание неслучайности взаимного расположения рассмотренных выше структурных элементов по отношению друг к другу и в общей системе комплекса, то следует выяснить, какие принципы могли быть положены в основу архитектурной организации данного памятника? В попытке найти ответ на поставленный вопрос обратимся сначала к выяснению геометрических свойств комплекса.

1. Ориентацию археологических памятников и их структурных элементов обычно определяют по компасу. Однако хорошо известно, что направление магнитного меридиана изменяется как во времени, так и от места к месту (географически) (Куликов К.А., Сидоренков Н.С., 1977, с.125-133). Поэтому компасные измерения мало пригодны для выяснения азимутов реальных ориентиров, использовавшихся древними строителями для ориентировки построек; как правило, такими ориентирами были небесные светила, чаще всего Солнце. Это означает, что древние сооружения ориентировались, по сути, относительно истинных (географических) направлений З-В и С-Ю, которые редко совпадают с магнитными. Наша оценка магнитного склонения для Новониколаевки на момент раскопок составляет $7^\circ \pm 0,5^\circ$ к В. Используемая далее геодезическая система координат построена с учетом этого значения отклонения магнитного севера (N_m) от географического (N). Последний является стабильной во все времена точкой горизонта.

Далее мы ссылаемся на рис.5, на котором использованы следующие буквенные обозначения:

A, B, C, D – середины угловых перемычек рва;

G – северная оконечность выкладки черепов коней (далее ВЧ);

F – южная оконечность ВЧ;
 O – середина деревянного настила (далее ДН);
 K – яма;
 V – бревнышки;
 H₁ и H₂ – северные и южные кости животных
 (далее КЖ) в западном сегменте рва (сегмент AD);
 M – КЖ в сегменте АВ;
 R – КЖ в сегменте ВС;
 N, E, S, W – север, восток, юг, запад соответственно.

2. Наиболее заметными объектами данного памятника являются ВЧ и ДН, судя по стратиграфии, составлявшими единый культовый субкомплекс. За ос-

нову дальнейших построений примем ВЧ. Пусть длина отрезка GF равна L. Проведем через середину GF геодезическое направление WE (рис.5). Данное направление весьма точно ложится на середину ДН, проходя через его прогиб (точка O). То, что в среднем бревна настила параллельны нашему построению прямой WE, является подтверждением приведенной выше оценки величины магнитного склонения, произведенной на соответствующей карте с учетом годовичного его изменения (Куликов К.А., Сидоренков Н.С., 1977, с.120, рис.38). Из точки O северный край ВЧ наблюдается под углом $\approx 23^\circ$, а южный – под углом $\approx 24^\circ$.

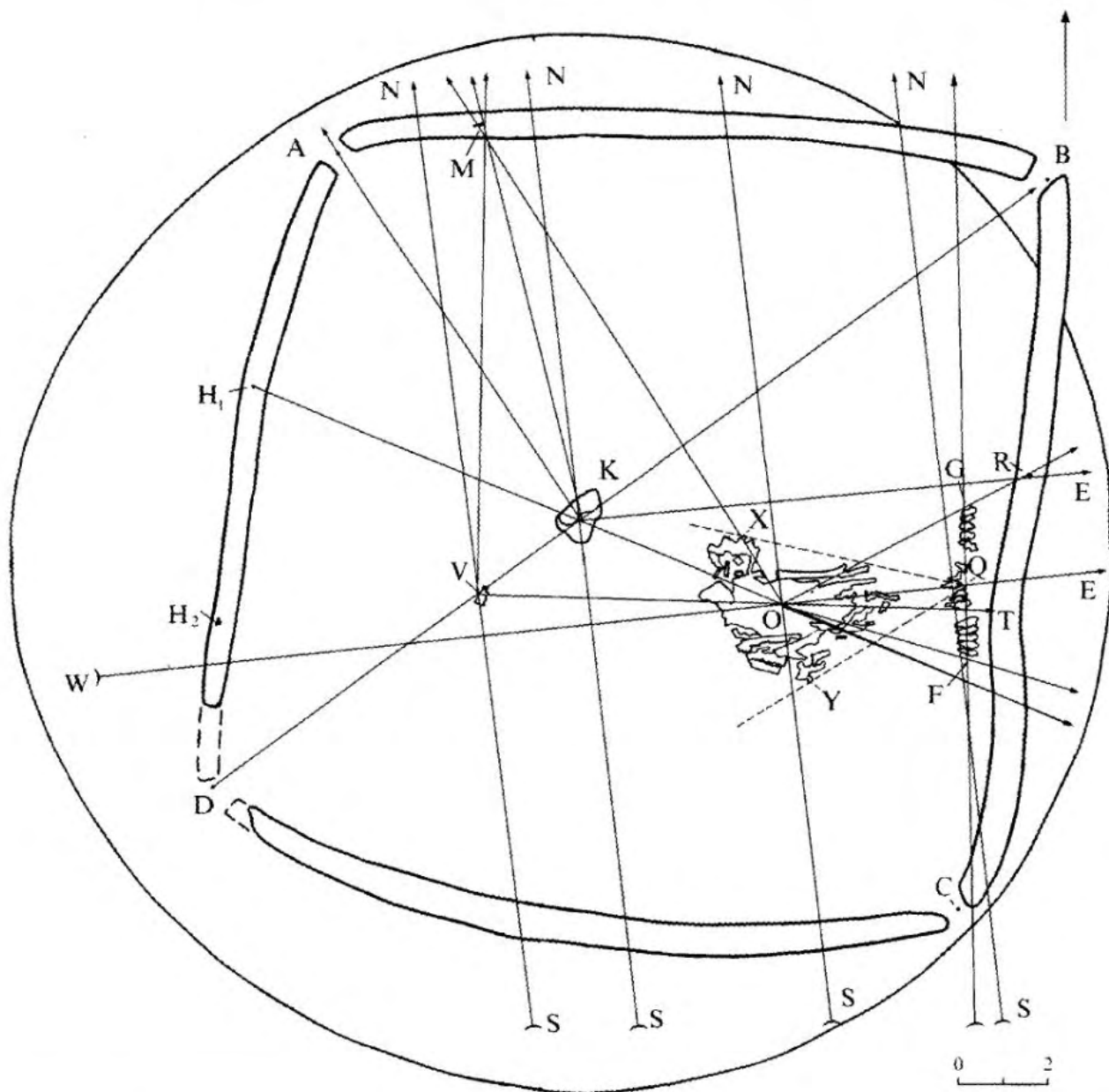

Рис. 5. Геометрия культового комплекса: ориентация структурных элементов.

Fig. 5. Cult complex geometry: structural elements orientation.

Abb. 5. Geometrie des Kultuskomplexes: Orientierung der Strukturelemente.

Dess. 5. Géométrie du complexe de culte: orientation d'éléments de structure

Обращаем внимание, что на продолжении луча OG в точке R выявлены КЖ (фрагмент челюсти лошади). Далее мы покажем, что угловые ошибки в нашем исследовании составляют $\pm 1^\circ$, поэтому будем считать $\angle GOE = \angle EOF = 23,5^\circ \pm 1^\circ$. С помощью транспортира легко убедиться, что лучи, проведенные из середины ВЧ к северному X и южному Y углам ДН, образуют с направлением WE те же углы $23^\circ-24^\circ$. Данное обстоятельство расценивается нами как еще одно свидетельство того, что ДН и ВЧ составляли единый культовый ансамбль. Челюсть коня в сегменте АВ (точка М) из середины ДН наблюдается под углом $\approx 25^\circ$ к западу от меридиана NS.

Ось ВЧ отклонена от NS на угол $\approx 7^\circ$ к востоку. Совпадение значений магнитного склонения и этого угла мы считаем случайным, т.к., вряд ли создатели Новониколаевки-II, к.1 пользовались компасом, хотя последнее не столь бесспорно (Карцев В.П., 1988, с.5-15; Фолта Я., Новы Л., 1987, с.7). Однако менее вероятно совпадение значений величин магнитного склонения в эпоху создания данного памятника и в наши дни. Ниже мы предлагаем астрономическую интерпретацию углов $\approx 7^\circ$, $\approx 23,5^\circ$ и $25^\circ-26^\circ$. Сейчас же снова вернемся к геометрии комплекса.

3. На расстоянии 2L от точки O к западу на том же стратиграфическом уровне, что и ВЧ и ДН, находились два бревнышка V, длины которых относятся как 3:2. Возможно, эти бревнышки были некими эталонами длины, т.к. длина ДН в направлении WE равна $4,5 \text{ м} = 0,45 \times 10$, а в направлении NS — $2,4 \text{ м} = 0,3 \times 8$. Длина же ВЧ порядка $0,3 \times 10$ (точное значение равно $L=3,41$). Любопытно, что длины 30 см и 45 см близки численно к средним значениям “ступни” и “локтя”.

Из точки V точка М наблюдается под углом $\approx 7^\circ$. Луч VO проходит через анатомически полный череп лошади в ВЧ, а также через середину внутренней выпуклости сегмента ВС (точка Т). Уклонение луча VO к югу от WE составляет те же $\approx 7^\circ$.

Складывается впечатление, что создатели комплекса использовали две прямоугольные системы координат: геодезическую NESW и повернутую к ней на $\approx 7^\circ$ по часовой стрелке другую.

4. Во время полевого исследования кургана к СВ от V автором раскопок зафиксирована “кратовина”, обозначенная нами как яма (К). Но кратовина ли это? Мы убеждены, что нет. Дело в том, что ее середина (точка К) лежит на пересечении диагонали BD (на этой диагонали оказались и бревнышки V!) и прямой, проведенной через северные КЖ в сегменте AD (точка H_1) и центр O деревянного настила. Луч KR параллелен WE. Но самое удивительное, что точка К является центром двух симметрий: поворотной, с углом поворота 60° , и “концентрической”, с шагом L (рис.6). Действительно, геодезический азимут центра перемички В равен 60° . Азимут центра O равен 120° ; точки юга S — 180° ; центра перемички D — 240° ; КЖ H_1 — 300° ; точки севера N — 360° (0°). В то же время луч KR является биссектрисой $\angle BKO$.

На то, что “кратовина” (яма), очевидно, имела утилитарное назначение (например, в древности здесь могла быть установлена довольно длинная стела или столб) указывают также следующие метрические соотношения. Используя отрезок $GF=L$ в качестве единицы длины, проведем из точки К, как из центра, серию окружностей с радиусами L, 2L, 3L и 4L, которые разделяют площадь памятника на четыре концентрические зоны I, II, III и IV. Как видно на рис.6, в пределах зоны I находятся только объекты V и К; в зоне II — ДН; все КЖ, в том числе и ВЧ, попадают исключительно в зону III. В зоне IV находятся только СВ и ЮВ углы рва, не содержавшие находок. Отметим, что сохранившаяся к моменту раскопок насыпь кургана практически концентрична построенным окружностям, что также можно расценивать как свидетельство в пользу реального существования ритуального центра (К) объекта, являвшегося, вероятно, также и центром кургана в целом.

Итак, с серединой ямы связана поворотная симметрия, разбивающая окружность горизонта на 6 равных секторов, и концентрическая симметрия, разделяющая площадь памятника на зоны одинаковой ширины, причем единицей длины является длина ВЧ. Эти и другие совпадения вряд ли можно считать случайными.

5. Отметим еще такие метрические соотношения: периметр рва, измеренный вдоль его средней линии вместе с перемичками, равен почти точно $19L$; диагональ $BD=7L$; $BC=CD=5L$; КЖ R делят сегмент BC в отношении 2 : 3, причем $BR=2L$, а $RC=3L$; центр К делит диагональ BD в отношении 3 : 4, причем $DK=3L$, а $KB=4L$; длина третьей окружности, обрамляющей все культовые объекты комплекса, равна $2\pi \cdot 3L=6 \cdot 3,14 \cdot L=18,84L \approx 19L$, т.е. равна периметру рва.

В заключение этого раздела рассмотрим вопрос об источниках и величине погрешностей в определении углов, а также оценим по этим данным интегральную погрешность наших измерений.

Следует различать древние и современные ошибки. Первые оценены нами в пределах $\pm 2^\circ$, причем это весьма пессимистичная оценка, так как в I тыс. н.э. уровень угломерной техники был достаточно высок (Климишин И.А., 1987, гл.1; Ньютон Р., 1985, гл.II; Херрман Д., 1981, с.9-45).

Но нам ничего неизвестно на этот счет по отношению к создателям комплекса. Поэтому приведенную выше древнюю угловую погрешность мы будем использовать далее; хотя, например, угол 7° выдержан в разных частях памятника достаточно точно, что, наряду со сложной его геометрией, свидетельствует о строгом подходе “новониколаевцев” к процессу сооружения данного (и, очевидно, подобных ему) культового комплекса.

Источниками современных погрешностей мы считаем следующие:

а. Методика определения магнитного склонения по карте;

б. Измерение ориентации объектов (во время раскопок) компасом, цена деления шкалы которого чаще всего равна 5°.

в. Измерение углов на чертеже транспортиром с ценой деления шкалы 1°.

г. Линейные построения: установка центров проведения линий, линейные измерения на чертежах и, наконец, ручное копирование последних.

Все перечисленные источники погрешностей являются независимыми. В этом случае (здесь мы ис-

пользуем источник: Тейлор Дж., 1985, гл.5, 7) интегральная погрешность Q_n на 68% уровне надежности рассчитывается по формуле:

$$Q_n = \left(\sum_{i=1}^n W_i^2 \right)^{-1/2}$$

$$W_i = \frac{1}{Q_i^2}$$

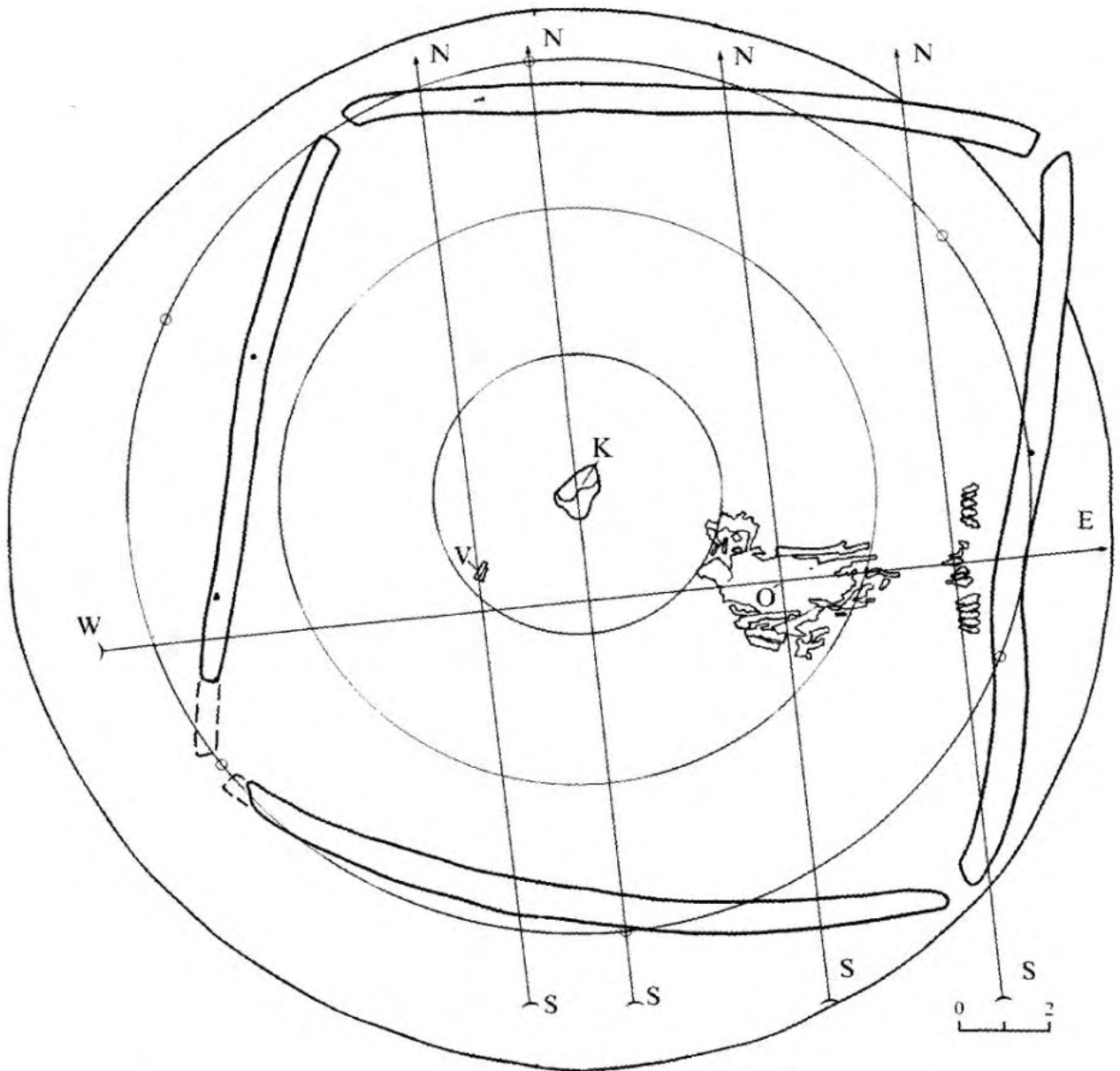

Рис. 6. Геометрия культового комплекса: повторная и концентрическая симметрии центра ямы.

Fig. 6. Cult complex geometry: recurring and concentric symmetry of the pit centre.

Abb. 6. Geometrie des Kultuskomplexes: konzentrische und Wendesymmetrie des Grubenzentrums.

Dess. 6. Géométrie du complexe de culte : symétrie répétitive et circulaire du centre de la fosse

Q_i – погрешность i -го независимого измерения.* Почти 100% (точнее 99,7%) надежность оценки погрешности получим, если принять ее равной $Q = 3Q_{ii}$.

Результаты таковы:

$$Q_{ii} = 1/\sqrt{2 \cdot 4 + 1 + 0.16 + 0.25} = 0.33^\circ$$

	Источник погрешностей	Q_i	$1/Q_i^2$
1	Древние определения	$\leq 2^\circ$	0,25
2	Магнитное склонение	$0,5^\circ$	4
3	Компас	$\leq 2,5^\circ$	0,16
4	Транспортир	$0,5^\circ$	4
5	Линейные построения	$\sim 1^\circ$	1

Табл. 1. Оценки погрешностей различных методов измерения углов.

Table 1. Estimation of probable errors of various methods of angles measuring.

Tab. 1. Fehlerberechnung von verschiedenen Eckenmessverfahren.

Tabl. 1. Evaluation des erreurs de méthodes différentes de la mesuration des angles

Астрономическая интерпретация комплекса

Рассмотренные выше некоторые геометрические свойства комплекса уже сами по себе указывают на неординарность этого сооружения. Мы считаем, что его можно отнести к классу особых сакральных объектов, моделировавших, в частности, пространственно-временные представления их строителей о Мироздании. Этот тезис лежит в основе предлагаемой ниже астрономической интерпретации комплекса, которую следует рассматривать как один из возможных вариантов объяснения выявленных нами свойств.

1. В предыдущем разделе мы акцентировали внимание на следующих повторяющихся в различных местах памятника величинах углов: $23,5^\circ$; 7° ; 25° - 26° (под углом 26° из точки К наблюдается середина перемычки А).

Начнем с углов $23,5^\circ (\pm 1^\circ)$, образованных лучами OG, OF, QX и QY с направлением WE. Предположим далее, что рассматриваемый комплекс действительно является культовой моделью Мира, а точнее – плоской проекцией небесной сферы. Тогда направлению WE можно поставить в соответствие небесный экватор, который пересекает математический горизонт в точках востока E и запада W. Плоскость эклиптики (эклиптика – годичный путь Солнца на фоне звезд) в VI-X вв. н.э. была наклонена к плоскости небесного экватора под углом $\epsilon = 23^\circ,63 : 23^\circ,57 \approx 24^\circ$. В день летнего солнцестояния Солнце находится к северу от небесного экватора на максимальном от него удалении $\approx 24^\circ$.

В день зимнего солнцестояния Солнце максимально удалено от небесного экватора к югу на те же $\approx 24^\circ$. Очевидно, что в рамках нашей гипотезы углы

$$Q = 3Q_{ii} = 0.99^\circ \approx 1^\circ$$

Значение $Q \pm 1^\circ$ мы используем в дальнейшем как при интерпретации числовых значений углов, так и при оценке даты сооружения комплекса Новониколаевка-II, к.1.

GOQ и QOF, исходя из их величины, являются модельными образами угла ϵ , причем $\angle GOQ$ соответствует весенне-летнему Солнцу, а $\angle QOF$ – осенне-зимнему. Точка Q в этом случае моделирует положение Солнца в дни равноденствий, когда оно в точности находится на небесном экваторе. Знание “новониколаевцами” величины угла ϵ не может считаться чем-то невозможным, так как этот угол могли измерять в Древнем Китае еще в XI в. до н.э., что засвидетельствовано в письменных источниках того времени (Климишин И.А., 1987, с.7-8). Учитывая обширные торговые и дипломатические связи Хазарии, можно предположить, что “ученой элите” (в т.ч. жрецам) каганата были доступны многие известные к тому времени астрономические факты и методы наблюдений, которые могли быть использованы при постройке особо важных сооружений, особенно культовых.

2. В связи с изложенным, становится понятной семантика структуры ВЧ, в которой 5 северных черепов находятся в симметричной оппозиции 5 южным не только относительно точки Q, но и по способу укладки: северные черепа сводом вниз, южные – вверх. Аналогично северный череп (с отделенной и положенной рядом челюстью) уложен сводом вниз, а такой же южный – сводом вверх. Анатомически полный череп в ВЧ, как в некоей знаковой системе, очевидно, играл особую роль.

Такой структуре ВЧ можно дать объяснение, если предположить, что она моделирует годичный календарный цикл. Тогда 6 северных черепов изображают весенне-летнее астрономическое полугодие, а 6 южных – осенне-зимнее (астрономические полугодия отсчитываются от дней равноденствия), причем каждый череп символизирует один месяц. Тип и структу-

* Для компаса и транспортира в качестве Q_i взято значение, равное половине минимального деления шкалы прибора.

D	600	700	800	900	1000
ε	23,62°	23,61°	23,59°	23,58°	23,57°
p_1	8,42°	7,86°	7,30°	6,75°	6,19°
p_2	25,22°	25,76°	26,31°	26,86°	27,41°

Табл. 2. Результаты расчетов положения звезд α Малой Медведицы и δ Большой Медведицы относительно Полюса Мира.

Table 2. Results of calculation of α Ursa Minor and δ Ursa Major location related the Pole of the World.

Tab. 2. Berechnungsergebnisse der Sternenlage α des Kleinen Bären und δ des Großen Bären in Beziehung auf den Friedenspol.

Tabl. 2. Résultats de calculs de la position des étoiles α de la Petite Ourse et δ de la Grande Ourse par rapport au Pôle du Monde

пу “новониколаевской” календарной системы “выдаёт” анатомически полный 13 череп лошади, а подтверждает длина диагонали BD (7L) и периметр рва (19L). Этим числовым соотношениям идеально удовлетворяет лунно-солнечный календарь, построенный по циклу Метона.

В лунно-солнечных календарях “должны соблюдаться два условия: необходимо чтобы начала календарных месяцев возможно ближе располагались к новолунию, а сумма некоторого числа целых лунных месяцев (12, но в метоновом цикле 7 раз на протяжении 19 лет – 13 месяцев) возможно точнее соответствовала истинной продолжительности тропического года, чем достигается приблизительное согласование смены лунных фаз с годичным движением Солнца. К таким календарям относятся календари древнекитайский, еврейский и другие” (Куликов С., 1991, с.109-110). В цикле Метона вставки дополнительного 13 месяца обычно производятся в 3, 6, 8, 11, 14, 17 и 19 г. цикла. Исходя из месторасположения полного черепа в системе ВЧ, вставка 13 месяца производилась либо в начале осени, либо в конце зимы. Так, например, в древнееврейском календаре 13 месяц вставлялся в конце зимы (Климишин И.А., 1981, с.81-89). Вопрос о том, как именно поступали в этом случае строители нашего комплекса, остается пока открытым.

3. Если в эпоху бронзы астрономия была по своему характеру “горизонтальной”, т.е. наблюдались и фиксировались только точки восхода и захода небесных светил (чего было вполне достаточно для календарного дела, которое, собственно, и было основным практическим разделом древнейшей астрономии), то совсем другой была астрономия 2-й пол. I тыс. н.э., решавшая и обслуживавшая значительно более широкий круг задач: в навигации, картографии, при измерении времени, в т.ч. уточняя и совершенствуя календарные системы. Астрономия поздней античности и раннего средневековья уже была сферической, т.е. положение небесных светил измерялось на небесной сфере с помощью изобретенных для этого различных угломерных инструментов. Тот факт, что в структуре комплекса присутствует угол ε в его “натуральной” величине (для широты Новониколаевки (48,9°) на горизонте ему бы соответствовали углы

37°:38°), свидетельствует в пользу сферической астрономии “новониколаевцев”. Исходя из этого, дадим объяснение углам 7° и 25,5° (среднее между 25° и 26°), отложенных относительно меридиана NS. Если этим углам соответствовали какие-то небесные светила, то таковые следует искать в северной половине неба, т.е. в области незаходящих светил, а именно: вблизи небесного Полюса Мира, причем следует считать направление NS проекцией оси вращения небесного свода. Наиболее заметными созвездиями этой части небесной сферы являются созвездия Большой и Малой Медведицы (далее Б.М. и М.М. соответственно). И действительно, угловое расстояние между средней звездой δ Б.М. и Полярной (α М.М.) равно 33,6°, что в пределах точности $\pm 1^\circ$ совпадает с суммой $7^\circ + 25,5^\circ = 32,5^\circ$. В таблице 2 приведены результаты расчетов положения звезд δ Б.М. и α М.М. относительно Полюса Мира в интервале 600-1000 г. н.э. В этой таблице: D – дата; ε – угол наклона эклиптики к небесному экватору; p_1 – расстояние (угловое) α М.М. от Полюса мира; p_2 – полярное расстояние δ Б.М.

Как видно из приведенных данных, расстояние α М.М. от Полюса мира составляло во 2-й пол. I тыс. н.э. $\approx 7^\circ \pm 1^\circ$, а звезды δ Б.М. 25°:27°, что находится в хорошем согласии с зафиксированными в комплексе “северными” углами. Выше мы упомянули о возможном присутствии в структуре памятника двух систем координат: NESW и “другой”. Теперь становится понятной эта “другая” система координат: она была привязана к α М.М. (Полярной звезде) в ее крайнем восточном положении относительно Полюса Мира. На рис.7 показано взаимное расположение созвездий Б.М. и М.М. в эпоху, близкую к сер.2-й пол. I тыс. н.э.

Может возникнуть вполне правомерный вопрос: почему мы из всего семизвездия Б.М. обратили внимание именно на δ Б.М. – самой слабой из всех 7 звезд? Попробуем объяснить. Во-первых, потому что она своим слабым блеском выделяется среди остальных звезд созвездия, которые имеют примерно одинаковую яркость. Во-вторых, эта звезда занимает среднее положение в ковше. Но главное то, что это единственная из звезд семизвездия Б.М., полярное расстояние которой в период между VI и XI в. удовлетворяет условию $p_2 = 25,5^\circ \pm 1^\circ$.

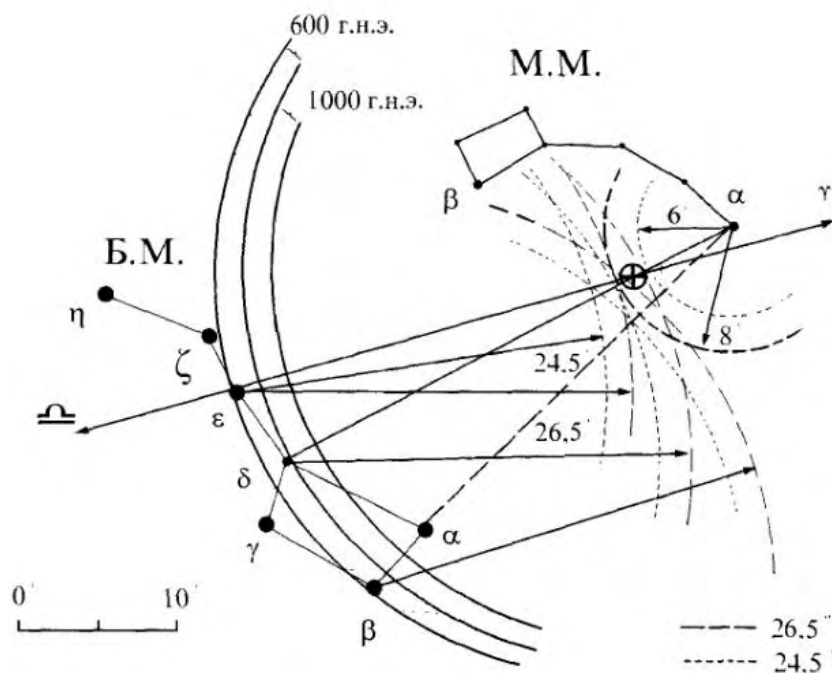

Рис.7. Положение Полюса Мира в хазарское время. ⊕ – полюс Мира, γ – точка (на небесной сфере) весеннего равноденствия, ε – точка (на небесной сфере) осеннего равноденствия, Б.М. – созвездие Большая Медведица, М.М. – созвездие Малая Медведица.

Fig. 7. The location of the Pole of the World in the Khazarian times. ⊕ – The World Pole, γ – vernal equinoctial point, ε – autumnal equinoctial point, Б.М. – Ursa Major, М.М. – Ursa Minor.

Abb. 7. Lage des Friedenspols in der chazarischen Zeit. ⊕ – Friedenspol, γ – Frühlings-Äquinoktialpunkt (auf dem Himmelskugel), ε – Herbst-Äquinoktialpunkt (auf dem Himmelskugel), Б.М. – Sternbild der Große Bär, М.М. – Sternbild der Kleine Bär.

Dess. 7. Position du Pôle du Monde aux temps de Khazars. ⊕ – Pôle du monde, γ – Point (sur la voûte céleste) de l'équinoxe de printemps, ε – Point (sur la voûte céleste) de l'équinoxe d'automne, Б.М. – Constellation de la Grande Ours, М.М. – Constellation de la Petite Ours

На рис.7 елочкообразной дугой показана полоса неба, благоприятствующая указанному условию. Здесь нами учтено изменение положения Полюса Мира за 400 лет, которое происходит вследствие прецессии оси вращения Земли. Как мы видим, в эту полосу однозначно попадает только δ Б.М. Звезды ε Б.М. и β Б.М. находятся на краю полосы. Так, к 590 г. p_2 для β Б.М. становится больше $26,5^\circ$ и не дотягивает до левого края отрезка p_1 порядка 80 лет. Для ε Б.М. такая ситуация создается к 630 г.

4. Данные, приведенные в табл.2, позволяют оценить время создания комплекса Новониколаевка-II, к.1. При этом мы предполагаем, что углы p_1 и p_2 действительно связаны со звездами α М.М. и δ Б.М.

Значения угла ε для целей датировки малопригодны, т.к. этот угол изменяется очень медленно, а точность его измерения по чертежу в лучшем случае $\pm 0,5^\circ$. Углы же p_1 и p_2 меняются довольно быстро. Оценка возраста комплекса произведена графически на рис.8: времени создания комплекса соответствует участок пересечения отрезков p_1 и p_2 . Округляя полученный интервал (в сторону его расширения) до десятков, получаем следующую датировку: комплекс мог быть сооружен между 670 и 840 гг. н.э.

Несмотря на правдоподобность астрономической датировки, следует все же заметить: идея о том, что углы p_1 и p_2 действительно небесные и соответствуют именно звездам α М.М. и δ Б.М., требует проверки на основе проработки письменных, фольклорных и этнографических источников, в которых содержатся сведения о представлениях, верованиях и обычаях населявших Хазарский каганат этносов.

Функциональное назначение комплекса

Итак, вероятно, Новониколаевка-II, к.1 является, кроме всего прочего, архитектурной моделью Вселенной. Если это так, то все же недостаточно ясно, какие действия разыгрывались на этом объекте? Правда, судя по отображенному в направлениях и значениях углов p_1 , p_2 расположению созвездий Б.М. и М.М., эти действия совершались либо под утро весной (вблизи дня весеннего равноденствия), либо в конце лета вечером, после захода солнца. В другие сезоны года такое расположение указанных созвездий относительно горизонта (рис.9) можно было наблюдать во 2-й пол. I тыс. н.э. ночью летом или не наблюдать вообще зимой (в

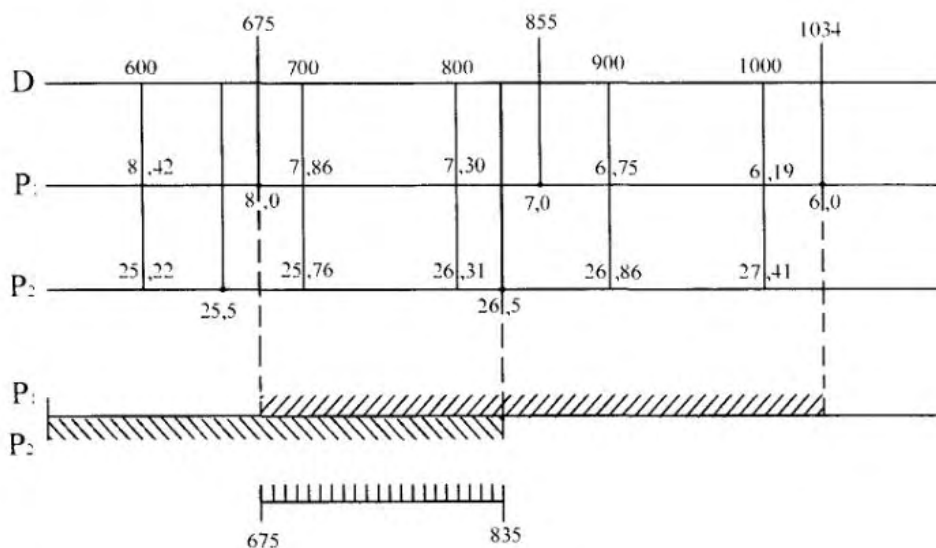

Рис. 8. Астрономическая шкала определения времени создания комплекса.
 Fig. 8. The astronomical scale for determining the time of the complex erection.
 Abb. 8. Astronomische Scala für Bestimmung der Gründungszeit des Komplexes.
 Dess. 8. Echelle astronomique de la définition de la date de la création du complexe

декабре-январе). Возможно, следы огненных ритуалов свидетельствуют о темном времени суток их проведения. Мы больше склоняемся к версии весеннего праздника. Впрочем, прагматика Новониколаевки-II, к.1 могла быть значительно более изощренной, как в смысле годового цикла, так и календарного 19-летнего цикла.

Источниковедчески рассмотренный комплекс, где все элементы нашли свое место в предложенной нами схеме, прямо и непосредственно не отвечает на вопрос, к какому типу археологических памятников его следует отнести: к святилищу, особо устроенному кургану-кенотафу, астрономическому объекту, погребально-поминальному памятнику или неопределенному культовому комплексу?

Отсутствие в комплексе погребения и наличие явно выраженного сакрального объекта – выкладки из конских голов, структурно сложного рва и загадочной деревянной конструкции невольно может вызвать ассоциацию некоего святилища. На первый взгляд, памятник нельзя назвать более предметно, поскольку для кургана-кенотафа труднообъяснимым выглядит особо скомбинированная выкладка из черепов + строгая система разрывов во рву; для атрибутирования памятника как погребально-поминального отсутствует погребение человека и нет следов тризны (таковыми, на наш взгляд, нельзя считать строго уложенные в определенных местах рва 4 комплекта костей животных и выстроенные в ряд конские черепа); и это – даже не явно выраженный астрономический объект, поскольку отсутствуют “намечающие” на это соответствующие специфические устройства.

Остаются еще достаточно обобщенный термин “святилище”, вмещающий в себя едва ли не все сакральное, и более расплывчатый – “культовый комп-

лекс”. Если последний термин достаточно условен, и его применение не будет выглядеть ошибочным, то относительно употребления первого следует сделать некоторые пояснения.

Прежде всего, у исследованного объекта отсутствует одна неперемнная для любого святилища черта – нет никаких следов “неоднократных стереотипных культовых действий, что обуславливает относительно длительный период его существования” (Ольховский В.С., Шилов Ю.А., 1995, с.108). Кроме того, совместимо ли было для древних в контексте их мироустройства и мировосприятия использование курганов – места захоронения (или вблизи массовых захоронений) их предков – в качестве святилищ. Речь здесь, конечно же, не идет о каком-то кощунственном, неуважительном отношении к умершим, поскольку в мировоззренческих устоях древних мы легко и в большом количестве обнаруживаем примеры совершенно невероятных, с точки зрения современного цивилизованного человека, действий с могилами, в целом, и с телом покойного, в частности. Проблема в другом. Не было бы это тяжелейшим нарушением нормы, миропорядка? На наш взгляд – да! Не находим же мы в границах грунтовых могильников или городских некрополей древней, средневековой и современной эпох святилищ в точном смысле этого слова.

Вышесказанное предопределяет то, что у средневековых кочевников функциональное разнообразие культовых объектов было гораздо шире, чем это до сих пор считалось.

Для выявления их возможных функций выбран пока лишь один такой памятник, который мы попытались исследовать несколько необычным методом, т.е. отказавшись, в частности, от исследования полевой документации только лишь в традиционном ее

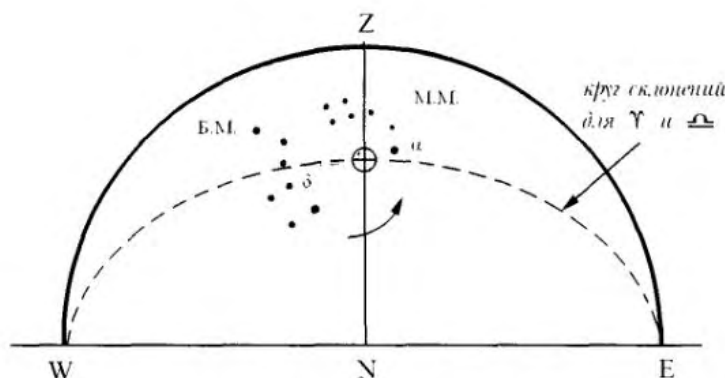

Рис. 9. Эскиз вида северной половины неба во 2-й пол. I тыс. весной, осенью и летом (в темное время суток: под утро весной, вечером осенью и в полночь летом). Z – зенит, N – точка севера, ZN – небесный меридиан, ⊕ – полюс Мира, WE – горизонт, Υ – точка (на небесной сфере) весеннего равноденствия, ♄ – точка (на небесной сфере) осеннего равноденствия, Б.М. – созвездие Большой Медведица, М.М. – созвездие Малая Медведица, - - - - - круг склонения для Υ и ♄, ↻ – направление суточного вращения неба.

Fig. 9. Outline sketch of the north semisphere of the sky in the second half of the 1st millennium in spring, autumn and summer (in the dark hours: at dawn in spring, in the evening in autumn, and at midnight in summer). Z – zenith, N – north point, ZN – heavenly meridian, ⊕ – the World Pole, WE – horizon, Υ – vernal equinoctial point, ♄ – autumnal equinoctial point, Б.М. – Ursa Major, М.М. – Ursa Minor, - - - - - hour circle for Υ and ♄, ↻ – direction of the sky daily rotation.

Abb. 9. Umriss der Aussicht der nördlichen Himmelhälfte in der 2. Hälfte des I. Jahrtausends im Frühling, Herbst und Sommer (in der dunklen Tageszeit: gegen Morgen im Frühling, am Abend im Herbst und in der Mitternacht im Sommer). Z – Scheitelpunkt, N – Nordpunkt, ZN – Himmelmeridian, ⊕ – Friedenspol, WE – Horizont, Υ – Frühlings-Äquinoktialpunkt (auf dem Himmelskugel), ♄ – Herbst-Äquinoktialpunkt (auf dem Himmelskugel), Б.М. – Sternbild der Große Bär, М.М. – Sternbild der Kleine Bär, - - - - - Abweichungskreis für Υ und ♄, ↻ – Richtung des Himmelstageskreises.

Dess. 9. Croquis de la vue de la moitié Nord du ciel dans la 2me moitié du I millénaire au printemps, en automne et en été (par un temps nocturne: à l'aube au printemps, au soir en automne, à minuit en été). Z – zénith, N – point du Nord, ZN – méridien céleste, ⊕ – pôle du monde, WE – horizon, Υ – point (sur la voûte céleste) de l'équinoxe de printemps, ♄ – point (sur la voûte céleste) de l'équinoxe d'automne, Б.М. – constellation de la Grande Ours, М.М. – constellation de la Petite Ours, - - - - - obliquité de l'écliptique Υ et ♄, ↻ – direction de la révolution diurne du ciel

видении. Наш подход в какой-то степени напоминает методику работы американского архитектора П.Эйзенмана, который также отказался от традиционного чертежа и работает, в частности, с картонными моделями, соотнося их, как и мы, с аксонометрическими перспективами (Россинская Е.И., 1991, с.30).

Заключение

Исследование памятника на базе междисциплинарного анализа (т.е. интеграции археологии с астрономией и геодезией) позволило нам прийти к следующим выводам.

Удалось выявить структуру изучаемого объекта, которая предложена нами в двух ее уровнях.

Первый уровень – “внутренний”, по которому комплекс представляет собой оригинальное, сложнейшее и одновременно достаточно строгое переплетение свойств и отношений его структурных элементов. Все они представляют собой такой кодовый ансамбль, где определенная суть их связей и отношений возможны лишь при наличии данного состава кодов, и самое главное, при именно таком их внутреннем и внешнем струк-

турном построении. Это вовсе не следует понимать так, что смысловое значение данного памятника должно трактоваться однозначно. Особенность сложно построенных текстов, состоящих из нескольких кодов (в нашем случае это, как минимум, 4: курган, ров, деревянный настил и выкладка из конских черепов), и, как следствие, их внутренняя диалогичность на уровне контекста культуры, обуславливает их способность хранить разные сообщения (Лотман Ю.М., 1989, с.40). Таким образом, проведенный анализ комплекса мы предлагаем понимать лишь как один из вариантов, одну из возможных трактовок. Разумеется, что новые исследования наших коллег, как и одновременное изучение серии близких памятников, поможет подтвердить, уточнить или опровергнуть правильность наших построений.

Второй уровень – “внешний”, где комплекс выступает в качестве своеобразного полисемантического признака (сакральная точка в пространстве) культуры. “Внешняя” полисемантическая сущность памятника выявилась в том, что он “сработал”, во-первых, как своеобразный объект-календарь для определения некоего сезонного значения; во-вторых, как модель мироздания, представляемая устроителями комплекса; в-

третьих, как неотъемлемая часть погребально-поминального культа. Последнее "свойство" памятника проявляется в том, что он был как бы "встроен" в вытянутую цепочку курганов, состоящую из 10 (возможно, всех более ранних по времени, инокультурных и погребальных по характеру) насыпей.

Памятник, несмотря на его ярко выраженную полисемантическую, нельзя считать святилищем в точном смысле этого термина. На нем не было обнаружено никаких основных специфических для святилищ признаков, свидетельствующих о его регулярном посещении местным населением.

Выявленные особенности памятника свидетельствуют о том, что он был сооружен в связи с каким-то

крайне важным событием в жизни коллектива и в дальнейшем не использовался, хотя, возможно, и не был выключен из своего культурно-сакрального контекста. Другими словами, комплекс являлся одноактным сооружением, целью которого было выполнение вполне конкретной, но многоступенчатой по смыслу задачи. Следовательно, стержневой и определяющей идейной линией, очевидно, было восстановление через обращение к "космосу" чего-то нарушенного и исключительно важного в их модели мироздания. Причиной такого "нарушения" могло стать какое-то конкретное природное или социальное потрясение, например, смерть на чужбине знатного представителя социума.

Литература и архивные материалы

- Байбури А.К., 1991. Ритуал в системе знаковых средств культуры. М.
- Виноградова Н.А., 1973. Иконографические каноны японской космологической картины вселенной – мандала// ПКДИАА.
- Давудов О.М., 1980. Хосрехское святилище (Дагестанская АССР)// Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово.
- Журавлева А.Д., 1991. Методологические проблемы исследования древней керамики// Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
- Иванов А.А., 2000. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.
- Карцев В.П., 1988. Магнит за три тысячелетия. М.
- Клейн Л.С., 1992. Методологическая природа археологии// РА. № 4.
- Климишин И.А., 1981. Календарь и хронология. М.
- Климишин И.А., 1987. Открытие Вселенной. М.
- Комар А.В., 2001. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Донецк.
- Коренько В.А., 2000. Люди-олени или охотники на оленей? (об этнониме саков)// Проблема истории и культуры кочевых цивилизаций. Материалы международной научной конференции. Археология. Этнология. Том 1. Улан-Удэ.
- Куликов С., 1991. Нить времен: Малая энциклопедия календаря. М.
- Куликов К.А., Сидоренков Н.С., 1977. Планета Земля. М.
- Лелеков Л.А., 1976. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточно-иранских народов в первой половине I тыс. до н.э.// ИКНСА.
- Лотман Ю.М., 1989. О роли случайных факторов в литературной эволюции// УЗТГУ. Вып.855.
- Ньютон Р., 1985. Преступление Клавдия Птолемея. М.
- Ольховский В.С., Шилов Ю.А., 1995. Скифский погребально-культовый комплекс кургана Цыганка// РА. № 4.
- Подольский М.Л., 2000. Курган или ритуальный комплекс? (к вопросу об архитектурно-композиционной цельности некоторых памятников)// Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург 14-17 ноября 2000 г. СПб.
- Пугаченкова Г.А., 1973. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии// ВДИ. № 1.
- Пугаченкова Г.А., 1976. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана// ДБ.
- Раевский Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.
- Россинская Е.И., 1991. Семиотика вообще и семиотика архитектуры// Семиотика и язык архитектуры. М.
- Семенов Вл.А., 2000. Святилище – священная территория – мифологизированное пространство// Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000 г. СПб.
- Смирнов Ю.А., 1987. Культ черепа и нижней челюсти в раннем палеолите// Религиозные представления в первобытном обществе. Тезисы докладов. М.
- Тейлор Дж., 1985. Введение в теорию ошибок. М.
- Толстов С.П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.

- Топорков А.Л.**, 1989. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры// Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.
- Усманова Э.**, 1999. Сакральный архетип "мировое дерево" в погребальном обряде андроновских племен (по материалам могильника Лисаковский)// Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы к конференции. Челябинск.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1984. Погребения хазарского времени из урочища "Кривая Лука" в Нижнем Поволжье// Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.
- Фолта Я., Новы Л.**, 1987. История естествознания в датах: хронологический обзор. М.
- Ханкс Б., Корякова Л.**, 1999. Курганы как социо-культурные точки ландшафта// XIV Уральское археологическое совещание (21-24 апреля 1999 г.). Тезисы докладов. Челябинск.
- Херрман Д.**, 1981. Открыватели неба. М.
- Чернопицкий М.П.**, 1980. Курганная группа как архитектурный ансамбль (Опыт композиционно-художественного подхода)// Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово.

Summary

A.V.Yevglevsky, Yu.V.Kudlay (Donetsk, Dimitrov, Ukraine)

The Cult Complex of the Khazarian Time on the Sukhoy Torets River: An Assay of Interdisciplinary Investigation

The system approach to an interdisciplinary investigation that integrates archaeology, astronomy and geodesy enabled us to come to the following conclusions:

1. The structure of the object under investigation could be represented as consisting of two levels.

The first "inner" level constitutes the archaeological site as an original, complex and at the same time rather strictly organized system of characteristics and interrelations.

The second "outer" level constitutes the site as a distinctive polysemantic attribute of the culture - a sacral centre of the universe. Polysemantic character of the cult complex shows itself in the following: 1) it served sort of an object-calendar having certain seasonal meanings; 2) the people who had created the complex considered it to be the model of universe; 3) it was an integral part of their funeral customs and rites. The latter characteristics are corroborated by the fact that the barrow was "inserted" in the chain of 10 earlier funeral mounds of other cultures. It suggests that the attempts of the people, who created the barrow under investigation, to secure the territory "ideologically" are evidence of recognizing all the barrows to be though ancient but integral part of their own culture going back to their legendary ancestors.

2. In spite of vivid and multiaspect sacral character and significant semiotic status of the complex, it hardly could be considered a sanctuary in the precise meaning of the term. We did not find any specific sanctuary features giving evidence that it was attended by the local population regularly.

3. Structural interrelationship of the elements of the site gives evidence that it was erected to mark a certain very important event in the life of the society and was not used further, although it was obviously not excluded from its cultural and sacral context. In other words, the complex was constructed for a single but multiaspect purpose. Thus, for the society the core and determining idea of the monument could have been the restoration of some violated but most essential element of their world outlook through addressing to the universe. The cause of that violation might have been a concrete natural or social hazard, e.g. the death of a noble member of the society in a foreign land.

A.V. Jevglevskij, J.V. Kudlaj (Donezk, Dimitrov, Ukraine)

Chasarenzeitlicher Kultuskomplex am Fluss Suhoj Torez: Versuch einer interdisziplinären Forschung

Die Anwendung eines Systemherangehens auf Grund seiner interdisziplinären Analyse, d.h. der Integrierung der Archäologie in die Astronomie und Geodesie, ermöglichte uns, folgende Schlussfolgerungen zu ziehen:

1. Es ist uns gelungen, die Struktur des zu erforschenden Objektes zu bestimmen, die wir in ihrer zwei Ebenen anbieten.

Die erste ("innere") Ebene repräsentiert, dass der Komplex eine originelle, komplizierteste und zur gleichen Zeit ziemlich genaue Verflechtung der Eigenschaften und Beziehungen der Strukturelemente des Denkmals ist.

Die zweite ("äußere") Ebene repräsentiert, dass der Komplex als ein eigenartiges polysemantisches Merkmal (ein sakraler Punkt im Raum) der Kultur auftritt. Das polysemantische Wesen des Komplexes ergab sich darin, dass er, erstens, als ein eigenartiges Kalenderobjekt für die Bestimmung einer Saisonzeit, zweitens, als ein Modell des Weltalls, das sich die Erbauer des Denkmals vorstellten, drittens, als ein unterennbarer Teil des Bestattungs- und Gedenkfeierkultus "funktionierte". Die letzte "Eigenschaft" des Denkmals tritt darin in Erscheinung, dass der Kurgan in eine ausgestreckte Kurgankette "eingebaut" zu sein scheint, die aus 10 früheren fremdkulturellen und dem Charakter nach Bestattungskurganen besteht. Dabei sei hervorgehoben, dass das Streben danach, das Territorium für sich selbst zu reservieren, zwangsläufig zur Anerkennung aller Kurgane dieser Gegend für zwar altertümlich doch "eigen", bis zu legendären Vorfahren zurückreichend führte.

2. Trotz seiner scharf ausgeprägten Sakralität mit mehreren Handlungsebenen und seinem hohen semiotischen Status kann das Denkmal als Heiligtum im genauen Sinne dieses Begriffs nicht gelten. Darauf wurden keine für ein Heiligtum charakteristischen Merkmale entdeckt, die von seinem regelmäßigen Besuch durch die örtliche Bevölkerung zeugen.

Der wechselseitige Zusammenhang der Strukturelemente des Denkmals zeugt davon, dass es aus Anlass eines sehr wichtigen Ereignisses im Leben der Gemeinschaft errichtet und weiterhin nicht ausgenutzt, obwohl es aus seinem kultursakralen Kontext offensichtlich nicht gestrichen wurde. Mit anderen Worten, es war eine verhältnismäßig einaktige Einrichtung, deren Zweck es war, eine ziemlich konkrete, doch vielstufige Aufgabe zu erfüllen. Die Hauptaufgabe war wohl also die Wiederherstellung von Etwas, was in ihrem Modell des Weltalls gebrochen und außerordentlich wichtig war, durch das Appellieren an den "Kosmos". Ein solcher Bruch konnte durch irgendwelche konkrete natürliche oder soziale Erschütterung beispielsweise durch den Tod eines vornehmen Vertreters des Soziums in der Fremde verursacht werden.

Die Schlussfolgerungen über die funktionale Bestimmung des Denkmals schließen seine mögliche landwirtschaftliche Ausrichtung durchaus nicht aus, deren Erschließung zum selbständigen Forschungsthema werden könnte.

A.V. Evglevski , Y.V. Koudlaï (Donetsk, Dimitrov, Ukraine)

Un complexe de culte des temps khazars au bord de la rivière Soukhoï Toretz: Essai de l'étude interdisciplinaire

Nous avons appliqué une approche systématique en l'analysant du point de vue des liens interdisciplinaires (c-à-d de l'intégration de l'archéologie en astronomie et en géodésie), ce qui nous a permis de faire des conclusions comme suit :

1. Nous avons découvert la structure de notre objet qui, selon nous, peut-être présentée en deux niveaux.

Le premier niveau est "intérieur", qui nous fait voir notre complexe comme une structure originale compliquée. En même temps nous y voyons un enchevêtrement assez régulier de propriétés et de relations entre ses éléments constructifs.

Le second niveau est "extérieur" ou notre complexe se présente en qualité d'un signe polysémantique particulier de la culture (un point sacré dans l'espace). Son essence polysémantique consiste en ce que premièrement il "agit" comme un calendrier d'un type particulier servant à désigner les saisons ; deuxièmement c'est un modèle de l'univers tel que ses constructeurs se l'imaginaient ; troisièmement, il fait une partie intégrale du culte funéraire et commémoratif. Cette dernière "propriété" se manifeste en ce que le tumulus a l'air d'être "inséré" dans une longue chaîne de 10 autres tumulus, d'origine plus récente et servant aux besoins funéraires d'autres cultures. Il est important de souligner, que l'intention de s'approprier d'un territoire idéologiquement amenait inévitablement à la reconnaissance de l'ancienneté des tumulus situés là mais, en même temps, on les reconnaissait comme "siens", remontants aux ancêtres glorieux.

2. Malgré son caractère évident sacré et son statut sémiotique important, on ne peut pas prendre ce monument uniquement pour un établissement de culte dans un sens strict de ce terme. On n'y découvre pas de traits principaux révélateurs des établissements de culte qui auraient témoigné de sa fréquentation régulière par les habitants.

3. L'intégrité des éléments structuraux du monument est un signe de ce qu'il fut érigé à l'occasion d'un événement d'une très grande importance pour la communauté et n'eut pas servi ultérieurement, bien qu'il ne fût pas exclu de son contexte culturo-sacral. En d'autres termes on peut dire que le complexe fut construit pour remplir une mission précise réalisable à plusieurs reprises. Ce qui veut dire qu'une tâche déterminante idéologique pût être une restitution de quelque chose de ruinée mais exclusivement important selon leur vision du modèle de l'univers. Et cela au moyen de leur appel au "cosmos". La cause de la "ruine" pût être un cataclysme naturel ou social, comme par exemple la mort à l'étranger d'un représentant noble de la société.